

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТА, КОТОРОЙ
НЕ ДОЛЖНО
БЫТЬ

ДЕТСТВО ПО РУССКИ ГРАЖДАН

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕЧЕКАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ,
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАЕМЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Лариса Соболева Та, которой не должно быть...

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714833
Соболева Лариса Та, которой не должно быть: [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083139-5*

Аннотация

Казалось бы, разные люди, разные преступления, разные события действуют в романе и между ними нет ничего общего. Но постепенно эти события и люди выстраиваются в одну общую линию, и выясняются мотивы... Их четверо, им всем чуть за тридцать, они не похожи друг на друга, но это не мешает им дружить...

Больше года назад произошла трагедия – сгорел дачный дом, погибли люди, погибла невеста Эдгара, а сам он чудом остался в живых. Из того, что произошло, он ничего не помнит. Официальное расследование не дает результатов. Тогда Эдгар нанимает частного детектива и уезжает в Китай, куда его отправляют друзья. Год спустя он возвращается и понимает, что... прошлое следует неотступно.

А между тем в городе начинают происходить страшные события, как в фильме ужасов, только еще ужаснее, потому что в жизни. И четверо друзей пытаются разобраться в этом.

Содержание

1	4
2	8
3	15
4	21
5	29
6	35
7	43
8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лариса Соболева

Та, которой не должно быть

Когда живешь страстью, видишь лишь иллюзии.
Китайская мудрость

1

Сюда он входил без стука. Нет, он врывается! Стремительно и внезапно, как тайфун. Занавеска на окне испуганно всхлипывала и замирала, беспомощно повисая, когда Виталий распахивал дверь и задерживался на пороге с улыбкой.

Как правило, она читала с серьезнейшим видом, или писала, или разговаривала с Валюшей. Нет-нет, все разговоры и чтение – исключительно по делу. Собственно, и он забежал по делу, между тем это был благовидный предлог увидеться. Его развлекала ее реакция, когда она поднимала строгие серые глаза, одновременно бросая сухую фразу тоном стервы: «Подождите в коридоре!» И за секунду ее мимика менялась, глаза окрашивались в серебристый цвет, Лариса вскакивала с места, конечно, от радости. Подскочила и на этот раз, выпалив:

– Виталька!

– Валенсия, привет, – мимоходом бросил он девушке за вторым столом, идя к Ларисе. Сначала обнял ее, поцеловал в щеку (ради этого и примчался, сделав крюк), а уж после вручил файл. – Держи акт вскрытия. Любопытное чтиво.

– М! – Вытаскивая отпечатанные листы из файла, Лариса мгновенно потеряла интерес к Виталию, что огорчительно.

– Вот так-так! – повернувшись к Вале, с показной обидой протянул он и плюхнулся на стул. – Мчишься через весь город, тратишь бензин, время, рискуешь потерять колеса на наших дорогах, а тебя встречают...

Внештатница Валя, прозванная им Валенсией, с обожанием смотрела на него и чуть-чуть с завистью на Ларису, к которой ее приставили в качестве помощницы. Валюша заочно заканчивала грызть гранит юридических наук в университете, а сюда пришла за большим и маленьким опытом, без которого – никуда! Разумеется, с улицы в это святилище «преступления и закона» не берут даже на волонтерскую работу, это значит, Валя блатная. А Виталию невдомек, зачем такой хорошенькой и модненькой штучке страшно-ужасно-жуткая работа?

– Да, – закивала она, – ваши колеса жалко. У вас же машина – супер.

– Кто тебе сказал? – невинно поднял он брови. – Машина как машина...

– Папа говорит, ваша машина безумно доро...

– Я купил потрепанную, – врал он без стыда и совести, досадуя на знатока-папу.

– Папа говорит, что и подержанная она дорогая...

Кабинет непропорциональный, маленький, два стола еле втиснули, поэтому, чтоб перейти на междусобойчик, достаточно наклониться к собеседнику. Что и сделал Виталий, зашептав, как истинный заговорщик:

– Валенсия, только тебе признаюсь: у меня денег навалом. Я же беру откаты. Крупные.

– У кого? – опешила доверчивая Валюша, вытаращив ореховые глазенки под накрахмаленной челкой цвета прибрежного песка.

– У них, естественно, у покойников, – на полном серьезе выдал Виталий. – Я умею с ними договариваться, особенно с теми, кого настигла насильственная смерть. Не веришь? Мне?! Ая-яй! Лариса, скажи, сколько, помимо пуль, я нашел бриллиантов в желудке азиата?

– Пять штук, – ответила Лариса, но не дала развить тему незаконных сделок с трупами. – Валь, сгоняй к Руслану, отнеси это.

Валюша неохотно забрала акт и побежала выполнять просьбу. А ей так хотелось поболтать с Виталием или хотя бы послушать его, а тут – сгоняй. За ней, взглянув на часы, и Виталий засобирался:

– У, и мне пора... пора...

Сказать-то сказал, но не шевельнулся. Уйти – это же расстаться на несколько часов! Его настроение прочувствовала Лариса, уложила кулачки друг на друга, на них – остренький подбородок и тоже улыбнулась ему. Приятно, приятно, когда прожитый без тебя час приравнивается к вечной разлуке, а встреча – к сбывшейся заветной мечте.

– Неужели отравили? – спросила она.

Полгода назад Лариса переехала к нему и... нет, это не рассказать! Осталось закрепить романтический союз штампами в паспортах, а то, что их отношения не рухнут в канаву быта, оба уверены на сто процентов.

– Отравили, – закивал он. – Примитивнейшим ядом, добытым из ядовитых растений кустарным способом. Полагаю, лавры Екатерины Медичи не дают покоя... угадай, кому?

Он провокационно прищурился, приподняв одну бровь, натянув хитрющую улыбку и постукивая пальцами по столу. А у Ларисы ответа не было. Его не могло быть! Покойник, когда еще был жив, в одной руке держал стаканчик, в другой – шампур, и вдруг ему становится нехорошо, он падает, начинаются судороги. И вот приходит она: безносая тетка с косой на плече в черном капюшоне. Для начала полагается установить причину внезапной смерти, только потом подозревать.

– Я подозреваю... нет, указываю на тещу, – раскололся Виталий, видя, в каком тупике обожаемая Лариса.

– Вот так сразу, да? – недоверчиво фыркнула она. – Без мотива, да?

– Мотивы, улики, вещдоки... Мне бы ваши заботы, милая! Короче, на даче в дальнем уголке за розами-мимозами растет та самая одолень-трава, уложившая здорового мужика, аж трех видов. А дача чья? Теща думает, в травках знают толк лишь ботаники, а ботаников среди нас не водится. Почему-то люди держат окружающих за приматов, это всеобщее заблуждение является основной причиной некачественных преступлений. Так я приглашаю ребят к нам? – на всякий случай уточнил он.

– И Алексашку?

– Куда ж без него?

– Прости, но твоего Алексашку...

– Знаю, знаю, – приподнял ладони Виталий, поморщившись, тем самым налагая табу на ее вмешательство в сферу мужских отношений. – Лариса, друзей не отвергают из-за того, что у них испортился характер, ведь на все есть причины. Алексашкина тебе известна, будь снисходительна.

Конечно, будет! Снисходительной, доброй, милой, нежной будет. Но к Витальке! Ему она простит все, даже Алексашку.

Он вздохнул тяжело, о колени ударил ладонями, мол, все-все, встаю... и не встал. Засмотрелся на Ларису. У нее удивительное лицо – приманивает обманчивой простотой и одновременно недоступностью. В тонких, скромно выписанных чертах столько скрытой чувственности, что появляется желание бросить все к черту с актами, трупами, убийствами! И укатить с ней далеко-далеко... А нужно ехать в аэропорт – как тут не вздохнешь?

– Между прочим, я прочла то дело, – сказала она, вернув его из мечтаний. – Книга ужасов, честное слово. Наверное, потому что точка не поставлена?

– Прошу тебя, ни слова о...

– Помню, помню. Не переживай, этой темы не коснусь. Беги, а то опоздаешь и разозлишь зануду Алексашку.

И как же на прощание не поцеловаться? В губы, глубоким, долгим поцелуем – ведь они одни. Виталий первым оторвался, а потом умчался. Лариса протиснулась между столами к окну, зная, что перед тем, как сесть в машину, он непременно бросит взгляд на ее окно. Конечно, оглянулся! Она послала ему воздушный поцелуй и помахала одними пальчиками. Он уехал... Лариса вернулась на место, с минуту сидела, покусывая губы, на которых задержался вкус поцелуя.

Между тем солнечная осень заглянула в окно, подкрасив ядовито-желтым цветом стены, заиграла бликами на столе, отразилась в стеклах окна. Виталька дополнял эту светлость, нет – усиливал ее. Но он уехал. Без него в кабинете стало тускло, бедно. Совсем не рабочее настроение!

Машинально Лариса вытасила из ящика увесистый том, скрепленный в месте деревянными рейками и намертво прошитый толстым шнуром. Да, именно так шьют дела – буквально, грубо, надежно, крепкими нитками, которые не порвутся ни при каких обстоятельствах. Лариса открыла том, ее глаза понеслись по скупым строчкам, увлекая в другой, темный и загадочный мир...

Несмотря на полную темноту, он видел себя. Только со стороны. Ну, это как в кино... или во сне...

Отчета себе не отдавал, почему его потянуло вверх. Просто несло вперед, а на пути выросла преграда – лестница. Длинная-предлинная деревянная лестница. Старая-престарая. У нее было начало, но – удивительно – не было конца. Вернее, так ему чудилось: у черной дыры под крышей нет конца, а ведь конец есть у всего, абсолютно у всего.

Путь по лестнице длился бесконечно долго и казался непреодолимым. Может, потому, что ноги утяжелелись... как и руки... и голова... и все тело... Впрочем, тело было невесомым, словно земного притяжения не существовало. А ни руки, ни ноги не поднимались. Странно, да? Нелепо, да? Но легкость и тяжесть одновременно – это реально, он испытал то и другое на себе.

Прокричав ее имя, не услышал себя. Не слышать собственного голоса, когда кричишь, – это страшно! Еще страшней, когда непонятно, что происходит. Какая сила удерживает, когда рвешься наверх, хотя не знаешь, что впереди?

А что там – впереди? Он думал и об этом. Но почему-то знал, что там будет нечто плохое. Но упорно рвался туда... вверх... вверх...

Одна ступенька провалилась (он знал, это предпоследняя ступенька), через нее следовало переступить, а он наступил. И упал. С падением исчезла (наверное, все-таки мнимая) легкость-тяжесть, тело приобрело привычное состояние. Он подскочил и, наконец, услышал свой отчаянный крик:

– Где ты?.. Где?!. Отзови-ись...

– Я здесь, – буркнул Александр, толкнув в бок локтем.

Локоть был острым, словно копые туземца, решившего нанизать на него желанный ужин. Эдгар непроизвольно потер бок, с трудом припоминая, где находится, кто его толкнул и почему. Почувствовав физическое неудобство – спина занемела, ноги отекали, болела шея, – он с усилием поднял тяжелые веки. Рядом в кресле, с закрытыми глазами, полулежал Сашка, тем не менее он почувствовал, что на него удивленно смотрит Эдгар, и ворчливо отчитал его:

– Прекрати стонать и разговаривать во сне, на нас смотрят как на психов. И пристегнись, на посадку заходим.

Значит, сон? А как наяву. Эдгар с облегчением выдохнул и подался к иллюминатору. Действительно, земля летела навстречу, следовательно, длинный и утомительный перелет подходил к концу. Только вот осадок собрался комом в груди, жег будто бы и не сильно, но ощутимо.

2

Закинув руки за голову, Алла лежала на бордовом шелке, дразня изгибами, выпуклостями и впадинами обнаженного тела. Дразня безупречно гладкой кожей цвета бронзы и чем-то еще, сугубо индивидуальным, чему и названья-то не придумали. Ее не портила раскрепощенность после «аэробики» на кровати, отсутствие помады на губах, утомленное лицо, вялость с леностью. Не портили тонкие морщинки возле уголков губ и между бровями.

Что должен испытывать мужчина, глядя на аппетитные формы, обтянутые закрашенной загаром кожей? Не о ее годах, разумеется, – Алле сорок пять, кстати. Он попросту застывает на пороге спальни с чашкой кофе, которую собственноручно приготовил, хотя сейчас не утро, чтоб подавать кофе в постель, время за полдень. Но Заварову безумно захотелось ей угодить. Он отправился на кухню делать то, чего не делал никогда, – варить. И сварил-таки! Нечто черно-коричневого цвета болталось в чашке, проливаясь на блюде.

Заваров алчно сглотнул, чувствуя, как нутро заполняет буйство, словно у слегка оперившегося юнца. А времени-то прошло ну очень мало. Он неслышно подкрался к кровати, наклонился к Алле и шепотом, бережно касаясь губами округлого плеча, сказал без лакейского подобострастия:

- Кофе подан, мадам.
- Не хочу, – промямлила она, не открывая глаз.
- А кто пять минут назад требовал? – опешил он.
- Я передумала. Я устала.

Вот так вот! Устала! И кто виновник усталости? А ему тоже уже, извините, под полтинник. Эх, скинуть бы десяток лет... Да-а, не одни женщины со страхом переступают возрастные рубежи, кажется, у мужчин этот процесс проходит болезненней. Слабому полу достаточно выглядеть моложе на энное количество лет, а на это работает целая индустрия – только успевай платить. У сильной же половины с возрастом появляется в прямом смысле физический недостаток. В связи с этим растет комплекс неполноценности, психика угнетена, тело, не получающее привычных удовольствий, тоже. Какой дурак придумал именовать это процессом старения? Не процесс, а измывательство Создателя над своим главным творением – человеком.

Невольно рука Заварова потянулась к груди, а губы – к ямке между ключицами. Но Алла, преодолевая лень, ладонью отвернула его лицо. Он рассмеялся. Она же перевернулась на живот, ее спутанные смоляные волосы расплзлись по подушке, одна прядь, извиваясь, как змея, скользнула по лопатке. А необязательно лицезреть и ласкать портретную сторону, можно же пересчитать позвонки губами...

– Гена... – брюзгливо протянула Алла, шевельнув плечами, будто прогоняла приставучую осеннюю муху. – Дай полежать.

Пропало у нее настроение, что огорчило Заварова. В нежелании Аллы продолжить активно терять килограммы (по ее мнению, этому способствует секс) он усмотрел личную вину, то есть несостоятельность в интимном плане.

- Тебе сегодня не понравилось? – озабоченно спросил он.
- О боже... Не говори глупости.

– Тогда почему? – вновь принялся целовать бронзовую спинку Заваров. – У нас еще полчаса как минимум...

– А что будет через полчаса? – насторожилась Алла, повернув к нему свое выразительное лицо итальянской кинодивы. Она похожа на итальянку и внешне, и темпераментом – огонь, а не женщина.

- Майка вернется, – ответил он. – С ней Федя...

Этого было достаточно, чтоб Алла подлетела с кровати, как попкорн. Не успел он глазом моргнуть, а на ней уже белье! Она натягивала чулки на загорелые ноги, пеня ему:

– И ты молчал! Еще к разврату склонял! Знаешь, нехорошо с твоей стороны. Я не хочу попасть в неловкое положение, когда Майка застанет нас здесь.

Алла кинулась на поиски одежды, которую Заваров разбросал, снимая с нее, юбку она нашла в одном месте, блузу – в другом, жакет – в третьем...

* * *

В зале аэропорта Эдгар озирался, будто никогда не бывал здесь, и пока присматривался – кто тут копошится, где выход, какая погода. Это была новая страна. Глобальные перемены ее не коснулись, не изменился ни строй, ни люди, страна была новой как бы в старом обличье. А он – иностранцем, знающим в совершенстве язык, быт, нравы. Но иностранец – это чужой. Он и ощущал себя чужаком, как только сошел с трапа самолета, а прилетел-то домой.

Но что значит «дом» в чужом месте, городе, стране? Нечто изначально инородное и, как водится, неопределенное. Неопределенность не может быть притягательной, она окружает сомнениями с неуверенностью, она пугает. Предстоит заново осваиваться, учиться жить в среде, ставшей непривычной, работать, вспомнить друзей-приятелей... Все это казалось неподъемным грузом, который невозможно взвалить на плечи, остается лишь волоком тащить его, потому что так заведено. Данная перспектива как раз и пугала.

– Эдгар!

Услышав свое имя, он вздрогнул, посмотрел по сторонам – бежит. Как всегда: улыбка на тонких, но волевых губах, зеленоватые глаза искрятся, энергичен, одет безупречно и олицетворяет собой неуловимую мечту миллионов – успех. По пути Виталий налетал на людей, не обратив внимания на живое препятствие, но мимоходом извиняясь. Эдгар тоже улыбнулся, как положено при встрече, они обнялись. Виталий, похлопывая его по спине, вспомнил:

– А где Алексашка?

– За багажом отправился, – ответил Эдгар, отстранившись от друга и переключившись на то, что его занимало больше, – обстановку вокруг. Но заметил: – Непривычно видеть тебя с бородой.

– Борода скрывает природные недостатки, – потирая тыльной стороной ладони короткую щетину на щеках, улыбаясь, сказал Виталька.

Эдгар отвык от столпотворений, бессмысленной суеты. И смотрел на муравейник с горьким чувством осознания, что он не особенный, а такая же мелочь из этого же муравьиного сообщества – неинтересного и бесполезного. Снова он вздрогнул, когда Виталий опустил руку ему на плечо и с веселым смешком, по-философски мудро произнес:

– Где, как не в аэропорту, приходят мысли о хаосе человеческого бытия?

– Откуда знаешь, о чем я думал? – удивился Эдгар.

– Хм-ха... Потому что, возвращаясь из Китая, меня посещают те же мысли и именно в аэропорту. Не странно ли? В Китае народу тьма-тьмущая, а чувство незащищенности среди себе подобных появляется почему-то здесь. Вдруг замечаешь, что нас очень много, что мы бессмысленный и агрессивный рой.

Отвык Эдгар от эмоций, полюбил уединение, равновесие, которое создает дивное согласие между человеком и внешним миром. Но здесь... кажется, здесь предстоит вернуться к хаосу.

– Это от того, что там мы жили в глуши, – дал объяснение его и своим впечатлениям он. – От цивилизации быстро отвыкаешь, потом еще и понимаешь: из того, что состряпано человечеством, тебе не нужно девяносто пять процентов.

– Опасная теория, говорю как доктор, – без причин рассмеялся Виталий, озираясь по сторонам. Наверное, он попросту рад встрече, потому улыбался и смеялся. – Ведет к добровольной изолированности, та в свою очередь – к шизе, а вот шиза тебя приведет в отдельную палату дурдома. Так что делай выбор в позитивную сторону. Да где же... Ага, вон и наш Алексашка.

С мрачноватой физиономией Сашка катил боком чемодан, придерживая второй рукой ремень спортивной сумки, висевшей на плече. Сбросив ношу у ног Эдгара, он подхватил чемодан и ворчливо пожаловался:

– Кидают абы как... Колесико отломилось.

– Может, поздороваемся? – предложил Виталий.

Не глядя на него (чемодан был важнее), Сашка протянул руку, пришлось вместо объятий ограничиться прохладным рукопожатием. Зная угрюмый нрав друга, который лишней раз не улыбнется и не откроет рта, Виталий не обиделся. Сашка очень, очень-очень серьезный товарищ. До того серьезный, что иной раз становится похож на крохотную обезьянку, решающую глобальный вопрос – быть или не быть? – оттого смешную и отчасти нелепую. Виталий прозвал его Алексашкой, объясняя так: хотя бы в имя внести толику легковесности, а там глядишь – он станет проще, общительней, дружелюбней. Недаром же бытует мнение: как вы яхту назовете, так она и поплывет, однако яхта под именем Алексашка упорно не поднимала якорь, никуда не желая плыть.

– Нам туда, – указал Виталий в конец аэровокзала.

Закинув вещи в багажное отделение, друзья разместились в просторном салоне автомобиля. Александр плюхнулся на сиденье рядом с водителем, предоставив Эдгару на выбор места сзади. А тот мечтал смотреть в лобовое окно и постепенно вливаться в город, знакомясь с ним заново. Он не стал просить поменяться местами, нашел простейший выход: устроился посередине и подался корпусом вперед, уложив локти на спинки двух передних сидений.

Выехали на шоссе...

На парковой лужайке, окруженной кудрявыми кустарниками и деревьями, группа молодых разношерстных людей спорила о чем-то важном. Группа была разделена на две части, грубо говоря, на старших и тех, кому едва исполнилось семнадцать-двадцать. Причем первая группа из шести человек вела себя мирно, чего не скажешь о второй, правда, ребята еще не дошли до той стадии, когда наиболее убедительным аргументом становятся кулаки. Хотя единственная и самая юная особа в их компании упорно провоцировала на конфликт, задираясь. Впрочем, делала она это не сознательно, а потому, что была плохой девочкой в общепринятом смысле. За спиной Майка чувствовала поддержку четверых парней, но не соизмеряла силы двух групп, конечно, в случае потасовки победили бы парни постарше, среди которых были и совсем взрослые.

– И чем это мы вам не нравимся? – тархтела Майка на высоких нотах, тараща наглые глазенки семнадцатилетней дурехи. – Что за дискриминация! У нас бабки не те? Или наши колеса вас не устраивают?

– Цыпа, тебе скока лет? – осведомился Звездин из старшей группы.

– Много, мальчик, много, – прищурившись, замурлыкала Майка. – Я хорошо сохранилась.

За ее неширокой спиной заржали пацаны, переглядываясь и подмигивая друг другу. Усмехнулись и те, что стояли напротив, но по-мужски снисходительно, не пряча усмешек, высокомерие из них просто выпирало, Майку это злило.

Внешне она едва дотягивала до подросткового возраста и походила больше на мальчика – женские прелести еще не выросли, может, никогда и не вырастут, но она надеялась. Майя

отрастила волосы до лопаток и начесывала их нещадно, чтоб издали было видно: девушка идет. Мало помогало, потому что геи принимали ее за своего-свою. Майка нацепила на себя бижутерию: серьги до плеч, цепочки с подвесками, браслеты. Отказалась от брюк, а брюки так практично! Но чего не сделаешь ради идентификации с женским полом. Она натянула короткую юбку, для удобства – лосины, ведь в одной маленькой тряпке на бедрах ни сесть, ни наклониться нормально нельзя. В довершение замазала личико косметикой, теперь уж никто не спутает ее с пацаном, однако образ получился... мама дорогая! Но у Майки нет мамы, иначе родительница упала б в обморок, увидев дочь, и не очнулась бы никогда.

– Слышь, а права у тебя тоже сохранились? – впервые за время переговоров открыл рот Джидай, лидер взрослых. Описать его можно мизерным количеством слов: нос, сонные глаза, кудри ниже плеч и тело любителя пива.

Майка вытянула покрашенный рот трубочкой, соображала, как сказать, чтоб весомо было. Хотелось бы и остроумием блеснуть, но мозги находились в спячке, к тому же отсутствие чувства юмора у Джидая нарисовано на роже. Майка указала большим пальцем себе за спину на Федьку:

– Права есть у него.

Лучше правды ничего не бывает. А Федя для двадцати одного года выглядел здоровым, сильным, бесспорно красивым. Он стоял вплотную к девчонке, из нагрудного кармана кожаной куртки вынул права и потряс ими в воздухе, улыбаясь во всю ширину большого белозубого рта. Майка вызывающе прислонилась спиной к нему, подняла руки и обняла его за шею, глядя на Джидая с торжеством.

– О'кей, – бесстрастно буркнул Джидай, что означало согласие. Группа Майки не спешила радоваться. – Предупреждаю: у нас все соблюдают правила, абсолютно все. Принципиально соблюдают. Надеюсь, это понятно? – Дождавшись кивков всех пяти голов, он продолжил, указав на Майку пальцем-сарделькой: – Я знаю, что она садится за руль. Если увидим...

– Понял, понял, – сказал Федя, показав ладони в перчатках без пальцев.

Джидай дал отмашку, и его группа как по команде удалилась. Один Звездин оглянулся, затем, сплюнув в сторону, спросил:

– Зачем нам эти сосунки? Джидай, тебе проблем мало?

– Проблемы будут, если эта наглая Килька пожалуется своему пахану, – проворчал тот. – Да и касса заметно увеличится, значит, и выигрыш. С них возьмем двойную таксу – вступительный взнос и на кон. Не переживайте, чуток поиграются и отвалят. А у нас останутся бабки.

Группа «сосунков» тем временем потирала руки, а Майка, взявшая на себя бремя лидерства, сжала костлявый кулачок и процедила:

– Yes! Мы их сделаем.

* * *

Дорога из аэропорта длинная, ровная, монотонная. Сократить ее легко – интересной беседой, но, мельком взглянув на дремавшего Сашку, Виталий усмехнулся: за многочасовой перелет у бедняги не нашлось ни полминутки поспать! Трогать его – нет, пускай лучше симулирует сон. Виталий, не отрывая взгляда от дороги, по которой они летели, втянул в диалог Эдгара:

– Как тебе удалось пробыть в Китае год? У меня мультивиза с правом многократного посещения в течение года, но максимальное пребывание в стране все равно ограничено – не более девяноста дней.

– Да без проблем обошлось, – пожимая плечами и тем самым тоже выражая недоумение, сказал Эдгар. – Я просто получал разрешение... не знаю как.

– Могу объяснить твой феномен одним: везение.

– Эдгар, охота тебе вводить в заблуждение народ? – сонно проямлил Сашка с первого сиденья. – Какой феномен, где? Ты же давал уроки русского языка и с тебя пылинки сдували.

– Вряд ли это причина, – проговорил Эдгар тускло. – Нет, наверно... да... я просто везучий... кажется.

Когда о собственном везении говорят упавшим тоном, посещает тревожная мысль: не излечился. Но ведь все проходит со временем, это Виталий знал по себе и знакомым. Кстати, года достаточно, чтоб любая боль утихла, посему тревогу он посчитал необоснованным беспокойством.

– Ну, как, освоил китайские практики? – поинтересовался Виталий с легкой иронией, лишь бы вывести друга из опасной задумчивости.

– С ума сошел? – засмеялся Эдгар. – Этим надо заниматься с детства. Моя задача была проще: я учился управлять собой. А ты? Освоил китайскую медицину?

– С ума сошел? – в тон ответил Виталий. – Этим надо заниматься с пеленок. Но тружусь, тружусь над загадками древних эскулапов, заодно изучаю человека, копаюсь у него внутри. Сегодня вечером жду, Лариса обещала пельмени.

– Лариса? – проявил вялую заинтересованность Эдгар. – Кто такая?

– Ну, кто-кто... – многозначительно хмыкнул Виталий, бросив лукавый взгляд назад. – Разве я не говорил тебе, когда приезжал?

– И я рассказывал, – подал голос Сашка. – Но земные дела проходят мимо Эдгара, они же внизу, а он высоко над облаками витает.

Несмотря на скепсис, он точно охарактеризовал друга. Однако признать это – значит разрешить ему и в дальнейшем указывать на изъяны. Сашка страдает отсутствием чувства меры, да и с юмором у него напряженка. Тяжелый типчик. Если не в настроении – не подходи к нему, если высказывает точку зрения – чужое мнение не воспринимает, вспыльчив и нетерпим, в общем, безнадежный максималист. И все же в этих проявлениях просматривается ребячье упрямство, видимо, в нем до сих пор живет дитя, а это уже... диагноз.

Борется с ним Виталий один, точнее, воспитывает, хотя с формированием личности безнадежно запоздал – Алексашке тридцать один стукнул. Четвертый десяток теперь только усугубит привычку быть истиной в последней инстанции, а нетерпимость превратит его в злобного карлика. Ростом он не вышел, физия тоже не ах – м-да, плоховато над ним потрудились. Глаза только и привлекают ясной синевой, но глубоко посажены, а за густыми ресницами их вообще сложно разглядеть.

Виталька другой, прямо противоположный. Успешен настолько, насколько хочет, а значит, ему подыгрывает судьба, дав возможность экспериментировать над собой. Эксперименты штука дорогая, если ими заниматься всерьез, но она же – судьба – подкинула папин карман, бездонный, надо сказать. Незаработанные деньги портят – всем известный факт, а Виталий исключение. И натура он цельная, не расплывается по пустякам, подчиняет хобби единственной забаве – медицине, но не ради тщеславия, нет. Ради любопытства и страсти к познанию! Остался последний пункт – внешность. Смугл, темный шатен, кареглаз, скуласт... Симпатичный, не более того, а тем не менее! Обаяние и доброжелательность кого угодно украсят, значит, Виталий почти идеал. К сожалению, в мире устроено так: если кому везет, то во всем, а о том, что устройство несправедливо, знает даже школьник.

В салоне царило молчание, будто трем друзьям не о чем потрепаться. Так и подъехали к дому Эдгара, о чем напомнил Виталий:

– Твой подъезд. Тебя проводить?

– Я не инвалид, – выбираясь из авто, отказался Эдгар.

– Не забудь: вечером в восемь, раньше не получается.

– Помню. Буду.

Меж двух огней Эдгар – ледовый балласт. Одним присутствием он уравнивает беззаботную веселость Виталика и угрюмый нрав Алексашки. Смесь тевтонской и славянской крови дала отличный результат: утонченное и удлиненное лицо с упрямым ртом и таким же упрямым подбородком, высокий лоб, тонкий аристократичный нос, огромные и выпуклые светлые глаза, выдающие страсти человеческие. Страсти – да, они упорно преследуют его, в результате чего жизнь периодически мнет Эдгара безжалостно. Даже сейчас, спустя год, не пришла уверенность, что время начисто стерло черную страницу в его биографии. Несчастливцев – имя ему! Это несправедливо. Но такова его участь.

Эдгар вошел в дом и застопорился. Не хотелось ему вот так сразу попадать в знакомый подъезд со знакомыми запахами, это же первая встреча с прошлым, следовало впускать его в себя дозированно. Если бы Эдгар проявил мизерную нерешительность, Виталий обязательно поплелся за ним опекать морально, что было бы лишним. Нет, возврат желательно осуществить одному.

Что ожидал Эдгар увидеть или прочувствовать, застряв на первом этаже? Наверное, признаки перемен, к которым надо привыкать с первых шагов по пути в обитель на шестом этаже и которые отвлекут от навязчивых воспоминаний. Но здесь ничего не изменилось. Даже брошенная пивная банка валялась на прежнем месте, будто Эдгар отсутствовал сутки. О нет, различие есть: банка валялась не в одиночестве, в углу стояла вторая.

На этаж он поднялся пешком, очутившись в прихожей, захлопнул дверь и снова замер, всматриваясь в полумрак. Замер, словно потревожил хозяев, и теперь ждал, когда раздастся певучий голос в нижнем регистре: «Эдгар, ты?..» Он слышал свой ответ, но не здесь и не сейчас...

– Нина!.. Где ты?.. – повторял Эдгар, заглядывая в клетушки-комнатушки на втором этаже.

Непонятно гудело. Гул нарастал. То ли ветер пробовал на прочность дачный поселок, то ли провода разрывало электрическое напряжение, а может, сама земля трещала по невидимым швам, освобождаясь от оболочки. Дрожал деревянный дом, обещая вот-вот рассыпаться.

А кругом пусто, пусто... мертво...

Лишь обостренное чувство опасности парило над ним, словно химера, спаянная из фантастичных образов больного воображения. Это было так же ощутимо, как если бы об ноги терлась кошка или струилась бы по телу вода. Преодолевая желание убежать от адского образа, он лихорадочно искал Нину в доме. И не находил! Она же не игрушка, затерявшаяся среди вещей, а не находил...

Не игрушка, но игрушечная. Ее будто слепили из воска, раскрасили пастельными красками и оживили. Лежала она, можно сказать, под ногами, как надоевшая, небрежно брошенная кукла – внизу у лестницы. В белом ночном платье до пят с тонкими розовыми оборками и вышитыми цветным шелком цветочками на груди. Это невозможно, но, помчавшись наверх, он не заметил ее! Переступил через нее! А увидел, когда сбегал вниз.

Свет... Точно-точно! Всполохи света плясали за окнами под равномерное гудение. Поэтому увидел ее Эдгар, а раньше всполохов не было, раньше темнота хозяйничала в дачном доме.

Ее кукольные глаза, широко распахнутые, смотрели с удивлением. Будто весь мир впервые открылся ей сию минуту, поразив необъятностью и разнообразием, а до этого она жила в темном подземелье. Лежа на собственных волосах, рассыпанных по светлому полу и отражающих желто-красные всполохи, она, казалось, сознательно выбрала пол вместо

кровати. И руки раскинула, словно только что прилегла, слегка потянулась... но вдруг увидела что-то на потолке! Почудилось, ее приоткрытые губы вот-вот произнесут единственное слово, оно будет восторженным – ах!

Эдгара отвлекла огромная тень. Она выросла так внезапно, всего в нескольких шагах от лестницы, и плыла к нему, преодолевая барьер из горячего воздуха между ними...

3

На бегу Алла одевалась, причесывалась, подкрашивала губы – фантастика, но она умудрялась делать все сразу. Заваров, напротив, разлегся на кровати, скрестил ноги, закинул руки за голову и с упоительным спокойствием наблюдал за скачками по спальне, рассчитанной, как минимум, на десять человек.

– Не понимаю паники. Майка не жена, а дочь, – напомнил он.

– Ну и что! Приходит девочка домой, а в постели отца баба лежит! Это неприлично... и вульгарно... Фу!

Он человек продвинутой, независимый от всяческих морально-нравственных предписаний, придуманных для безмозглых баранов на двух ногах. Прилично-неприлично... Заваров зверел, когда его пичкали благопристойностями, но Алла несколько потеснила креативные установки в его мировоззрении. Он, разумеется, не поменял убеждения благодаря ее влиянию – нет, ведь так не бывает. Просто Заваров Геннадий Вадимович, человек-монополия, на Аллу имел виды. Она потянулась к серьгам и браслетам на тумбочке, в этот момент Заваров поймал ее руку и насильно усадил на кровать, так как созрел кое-что объявить:

– Неприлично, говоришь?

– Конечно! – фыркнула Алла, мол, не прикидывайся дураком. Вырвав руку, она принялась вставлять в уши серьги. – Тем более мой Федька придет. Не хватало, чтоб застукал меня... Кошмар!

– А что мешает нам обставиться приличием?

– В смысле?

– Давай распишемся. И ты на законных правах будешь лежать на этой кровати, – ударил он ладонью по постели. Ударил властно, дескать, к ноге!

Алла не ждала подобной экстравагантности, на миг замерла, приподняв смоляные брови и приоткрыв распухший от поцелуев рот. На ее лице мелькали тени разнообразнейших эмоций, кроме... радости! Слово она и мысли не допускала, что вариант с женитьбой возможен. Нет, мысль-то допускала, но что этот вариант никогда, ни при каких обстоятельствах невозможен. Зачем это ему?! Или, как говорит Федька, на фигура#? Пауза длилась с минуту, а это шестьдесят секунд, довольно-таки долго, наконец Алла потрясенно вымолвила:

– Гена, ты заболел?

– Я здоров как никогда. А что не так?

– Твое предложение, – произнесла она взвинченно, как человек, которому приказано лететь в космос, а он абсолютно не готов к этому.

Заваров опустил уголки губ вниз, мол, не понял вашу реакцию, мадам. А следом подумал, что от счастья Алла сама не своя, да и не в ее традициях сразу кидаться на шею. Она и подарки принимает, будто одолжение делает, а он дарит, между прочим, не паршивенький букетик. То есть букетик тоже, но в довесок. Однако пора было подтвердить эпохальное решение:

– Тебе не надоело прятаться? Нет, было бы от кого! А то от моей дочери и твоего сына. Второй аспект: мы оба свободны, ни мужей, ни жен не имеем, так в чем проблема?

Да-а... теперь уж точно проблема! Алла растерялась. Но в жизни ей приходилось и не такое бедствие переживать, она нашла наиболее убедительный аргумент для тех, кто без спроса надевает чужой нимб:

– Мужчины твоего положения женятся на юных красавицах, длинноногих топ-моделях. Это модно... и... и очень престижно!